

ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ

15-я симфония Дмитрия ШОСТАКОВИЧА стала крупнейшим явлением музыкального года

СЧАСТЛИВО начался ее путь к слушателю. Она звучала, вызвав огромный отклик, в Москве и Ленинграде, в Сибири и на Дальнем Востоке, в городах ГДР и Чехословакии, в Японии и ФРГ. Со своими интерпретациями новой симфонии выступают известные дирижеры: Евгений Светланов и Евгений Мравинский, Максим Шостакович и Геннадий Рождественский...

Фирма «Мелодия» подготовила запись 15-й симфонии в интерпретации ее первых исполнителей — Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения под управлением Максима Шостаковича.

ЧЕЛОВЕК, хоть сколько-нибудь знакомый с творчеством Дмитрия Шостаковича, не может не испытывать глубочайшего волнения, погружаясь в стихию его последней, Пятнадцатой симфонии. Все в ней подлинно в своей возвышенной сути. Пределно лаконично и всеобъемлюще. Поражает неброская красота этой музыки. Ее негромкие, местами хрупкие звучности. Ее неспешные темпы. Поражает обескураживающая искренность повествования композитора, следующего за «внутренним» голосом, который настроен как никогда «автобиографически».

Образы, разделы, части симфонии — кристаллы памяти художника, прошедшего долгий путь. Они звенят тихим набатом: Помни! Помни! Будь мужествен и тверд. Познай высокую меру вещей. Верь в лучшие, светлые идеалы правды, человечности и красоты и служи им до конца!

В этой музыке слышится блоковское:

Но ты, художник, твердо веруй

В начала и концы...

Твой взгляд — да будет тверд и ясен.

Сотри случайные черты —

И ты увидишь: мир прекрасен...

Спокойствие и ясность взгляда композитора проступают за каждой интонацией Пятнадцатой симфонии. Это музыка — раздумье о неопределенности контрастов жизни. Музыка, зовущая к совершенству. Созданная в ключе высоких обобщений, она неоднозначна, почти неуловима для словесной расшифровки...

Шостакович написал четырехчастную «непрограммную» инструментальную симфонию (в отличие от предыдущих — программных Одиннадцатой и Двенадцатой и «вокальных» Тринадцатой и Четырнадцатой). В ней отразился весь опыт великого мастера-новатора, достижения блистательной «театрализации» симфонического жанра со свойственной лишь Шостаковичу «зримой» музыкальной драматургией, неподражаемой хлесткостью тембровых характеристик «персонажей», речевой выразительностью голосов отдельных инструментов.

Каждый элемент Пятнадцатой напоминает об истоках в предыдущем симфонизме Шостаковича. И озорной калейдоскоп тем в первой части, так напоминающий обманчивую беззаботность жизненного «спектакля», представленного в начальных частях и Первой, и особенно Девятой симфонии. И эта величественная траурная ода второй части, органически вытекающая из всей огромной героико-трагедийной темы Шостаковича. И перенесение центра тяжести на финал симфонии — большой, разветвленный — прием, характерный для многих лучших симфоний Шостаковича — Шестой, Восьмой, Десятой!..

А эти, затихающие, буквально «тающие» концовки частей Пятнадцатой, так напоминающие бесконечный уход «за горизонт» финальных звучаний Четвертой!.. И многое-многое другое.

В ткани симфонии явно проступают и реминисценции известных тем Шостаковича, например, знаменитой в целом мире темы марша-нашествия из Седьмой симфонии. Но вот что поразительно! Впервые примененный Шостаковичем прием «коллажа», то есть прямого цитирования мелодий классиков (в данном случае Россини и Вагнера), на поверку тоже обнаруживает черты «автобиографичности»!

В самом деле, случайно ли избрал Шостакович в качестве рефрена к первой части фразу стремительного марш-галопа из «Вильгельма Телля» Россини? Ну, во-первых, с ритмами галопа связаны многие дерзостные симфонические эксперименты молодого Шостаковича. Целый пласт бытовой и «массовой» музыки, вплоть до музыки площадей и стадионов, эстрады и цирка, был освоен советским симфонизмом благодаря таланту Шостаковича. Кульминацией этого освоения стала Шестая симфония с ее кипучим, летящим, действительно «массовым» финалом. Пружинистый бег-ускорение финала Шестой точь-в-точь копирует ритмический «пунктир» россиниевского галопа. Недаром один из самых чутких исследователей симфоний Шостаковича Г. Орлов писал, что «в этих страницах Шостакович действительно выступает как «советский Россини».

В свете этих размышлений в ином ракурсе может быть воспринято содержание первой части Пятнадцатой симфонии. Не просто «магазин игрушек», надежных человеческими страстями, не только веселая гофманиада, напоминающая «Шелкунчика», как пишут иные критики, но образ «театра» юности, полного любимых «персонажей», с которыми композитор ведет разговор сквозь дымку прожитых лет. Они действительно спорят: эта свистящая флейточка и ворчливый фагот, обольстительная скрипка и одинокий отшельник-контрабас, пытаясь вписать свои коротенькие реплики-мотивы в общий марш. Целментируя виртуозный полет мелодий солирующих инструментов, воинственная тема Россини вновь и вновь создает колорит «походности», интригующего начала пути...

Композитор словно говорит: «Да, все мы родом из детства. Девство не умирает в человеке. Память никогда не расстанется с миром шаловливых чудес и остроумных выдумок, без них невозможно открытие мира. Помните о чистоте идеалов юности. Но помните и об

уроках зрелости... Беззаботность и самоупоенность не останутся безнаказанными!»

И сразу после искрометного начала — противоположный полюс жизни: мир потерь, трагедий и скорбей, вылившийся в большую драматичную сцену траурного адажио. Только в Пятнадцатой решается композитор на подобный контраст, достигнутый простым сопоставлением: детство — и трагический исход жизни. И как во всяком подлинно прекрасном трагедийном искусстве — печальный рассказ о потрясениях, это классическое «πομπή μοι» («помни о смерти»), взрывающееся настоящей симфонической кульминацией, несет укрепляющее волю чувство.

В этой музыке нет ощущения сиюминутности трагедии. Она пронизана активной волей к воспоминанию, глубокой мыслью, стремящейся подняться на вершины познания главных ценностей жизни. Это реквием-раздумье с поразительно умиротворенными тоническими кадансами (заклочениями), придающими повествованию исчерпанность, философскую зрелость.

Прекрасен весь скорбный круг образов этой части: суровый, «стелющийся» по ступеням хроматической гаммы хорал медных духовых — точно хор скорбящего народа (его струнный вариант «беззвучного рыдания» в финале части потрясает!). И тут же, чередуясь с ним, — исповедующийся голос сольной виолончели; потом тихий, мягко диссонирующий аккорд духовых, внезапно вспыхивающий как тревожное воспоминание; наконец, центральная, мужественно-патетическая песнь тромбона, разрывающаяся в могучую и грозную кульминацию боли и гнева.

Незабываема эта картина скорби.

Следующая без перерыва третья часть, воспринимающаяся как интермеццо, менее всего «расшифрована» критиками. Большинство классифицирует ее, как «фантастическое» или даже «зловещее» скерцо, рисуящее суетность быстрой текущей жизни.

Однако вслушаемся. Причудливые прыжки кларнета (потом — скрипки), со сверлящими, избегающими гаммами вверх, а потом — вниз. Ритм изломанный, сложный. Фраза — усеченная, как бы на ходу подрезанная, задохнувшаяся. Оттенок музыки — меланхолический. Быть может, это скерцо — своеобразный критический взгляд на самого себя. Быть может, развенчание скепсиса в пользу поэтизации жизни.

Наконец финал...

«Тема судьбы» Вагнера, как величественный эпиграф, зачинает его и звучит в переломных моментах. Но почему же она так органично ассимилируется в музыке Шостаковича, воспринимается как нечто, давно избранное, пережитое и «сохраненное» композитором? Нет ли и у мелодии Вагнера своей генеалогии в симфонизме Шостаковича?

Право же, есть!

Послушайте внимательно финал его Первой симфонии, где 19-летний композитор впервые углубился в размышления о жизни человека. И вы услышите вопросительную интонацию вагнеровской «темы судьбы» в мелодическом кружеве лирической побочной партии. Ее сплет сначала скрипка, потом повторят виолончель, валторна и, наконец, деревянные духовые.

Следовательно, в финале Пятнадцатой симфонии композитор вновь сближается с мотивами своей творческой юности. Но как сближается? Здесь рождается новая мелодия — пленительная, точно парящая в высоте, светящаяся нежностью и чистотой мелодия скрипки. Это чудо симфонии — тема красоты жизни. Она, как весеннее небо в ветреный день, — то хмурится, холодеет, наливается сумеречной темнотой облаков, то вновь открывается взору человека солнечными красками, пронзает сердце щемящим чувством радости и любви. Как обновляет душу мажорное возвращение хрупкой мелодии перед кодой финала!

Финал Пятнадцатой — точно симфония в симфонии. В ней разворачивается огромный, полифонически сложный эпизод, где постоянным ритмом контрабасов и литавр нагнетается тема марша-нашествия из Седьмой, Ленинградской симфонии. Так скрытый лейтмотив-воспоминание сопровождает всю жизнь человека стучащим пульсом басов... Здесь — апофеоз памяти человека, памяти, побуждающей к действию и борьбе! В грандиозной кульминации вдруг рождаются из темы «нашествия» героические интонации революционного гимна, с почти угадываемыми словами текста («Люди, восстаньте!»). Шостакович и здесь верен своей революционной молодости, давшей ему закалку художника-борца!..

Поразителен тихий, высокопоэтический конец симфонии, где все главные темы как бы мерцают и растворяются, словно блики на экране памяти. Но нет, не успокаивается, не дремлет безмятежно душа художника. Вслушайтесь в эту музыку! Здесь — тончайшая работа для исполнителей. Дирижер Максим Шостакович, мастерски подчеркивает остроту последних столкновений тем — «персонажей», великолепную ритмическую экзотику финальных тактов: их нервный, долгий звон... У Евгения Светланова мы яснее слышим, как в растворяющихся небесных звуках члесты и в таинственных перестуках легких ударных в последний раз «проговаривают» литавры тему нашествия из Седьмой... Память о трагедии и подвиге жизни не тленна!

Так многозначны аспекты восприятия симфонии. Ибо Пятнадцатая Дмитрия Шостаковича — это символ заветных связей, соединяющих судьбу человеческую с судьбой поколения, судьбой эпохи.

Пятнадцатая — это зов мудрой музы Шостаковича к познанию жизни во всем величии ее значения, к познанию своих путей в ней.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.